

В а л е р и й М е р л и н
ПРОИЗВОДСТВО
УДОВЛЕТВОРЕНИЯ

ОЧЕРКИ СИМПТОМОЛОГИИ
РУССКОГО ТЕЛА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАК»
МОСКВА 2006

ББК 63.3(2)
П 26

В. Мерлин

П 26 Производство удовлетворения: Очерки симптомологии русского тела. — М.: Знак, 2006. — 232 с.

ISBN 5-9551-0118-7

В центре книги — национальный проект тела. Русское тело понимается как практика мобилизации тела — как серийно-симулятивное Возрождение, и вместе с тем — в соответствии с принципом «чем больше симуляции, тем больше резервации» — как практика консервации глубинного ресурса. С проектом соотносятся расширенная оральность, территориализация поверхности тела и менструальность как симптом производства симптомов. Возрождаясь в симптоме, русское тело рождается на чужой территории — в пространстве между текстами литературы, психоанализом и каббалой.

ББК 63.3(2)

*В оформлении переплета использована репродукция картины
А. Волкова «Выборы в Верховный совет»*

ISBN 5-9551-0118-7

© В. Мерлин, 2006
© Знак, 2006

Содержание

Россия и редукция	5
О наших ресурсах	37
Производство удовлетворения	66
Виртуальное во рту	84
Эпителий Родины	145
«О, знал бы я, что так бывает...»	174
После слов: Русское тело, арийское тело, еврейское тело	209
Источники и сокращения	227

Россия и редукция

(читая Ж.-Л. Мариона)

1

Когда говорят о России, высказывание превращается в констатацию — «умом Россию не понять», «хотели как лучше, получилось как всегда»: говорящий о России должен заранее согласиться с тем, что ничего небанального о своем предмете он не скажет. Высказывание о России ничего не высказывает, но смысл разговора не в том, что Россия несказуема, а в том, что *мы это знаем*. Россию можно только повторить, поэтому о России нельзя молчать: смыслом России является данность.

Было бы наивно не соглашаться с данностью и утверждать, что Россия — это нечто другое: *не* данное или данное не так, как оно дано, и вместе с тем понятно, что данное дано, потому что мы соглашаемся с данностью — нельзя считать данным то, от чего позволено отказаться.

Россия — это и есть дар, от которого невозможно отказаться. Россия дана, потому что она дана: никакой опыт не может объяснить нашего знания России и уверенности в том, что мы ее знаем. Россия — чисто рекогнитивный концепт, обладание которым зависит только от нашей констатации¹, или же это патент, удостоверяющий наше «право на гнозис» (Н. Бердяев).

¹ «A concept is purely recognitional when its possession-conditions make no appeal to anything other than such acquaintance... when nothing in the grasp of this concept, as such, requires its user to apply or appeal to any other concept or belief» (P. Carruthers. Phenomenal concepts and higher-order experiences // Philosophy and phenomenological research, 2004. Vol. 68. №. 2. P. 320).

2

Существует и другая возможность: Россия дана, потому что она *явлена* и явлена адекватно. Россия явлена не в опыте, а как опыт: «быт» и «повседневность», будучи *серыми*, не являют ничего, кроме самой данности. «Бездорожье» — безвылазность экзистенциального опыта — чистый урок присутствия.

Русский опыт являет данность России. Возможно и дарование явности, то есть феномен типа откровения. Дар можно *дать увидеть*: данность России обеспечена преподаванием Родины: «Главное, что отличает Родину как идеологический конструкт... есть именно то, что она начинается с “картинки”, то есть с готовой, заданной, сконструированной без нашего личного участия и предстающей перед нами в качестве неоспоримой данности репрезентации»².

Главное Родины совпадает с фундаментом феноменологии:

Фундамент всего — схватывание (Erfassung) смысла абсолютной данности, абсолютной ясности данности, исключающей любое обоснованное сомнение, — одним словом, абсолютно явленная, самосхватывающая очевидность (selbsterfassende Evidenz)³.

Картинка обладает очевидностью и поэтому обеспечивает данностью. Если не соглашаться с очевидностью и задать кантовский вопрос — каким образом *возможна* Россия, то ответом будет: Россия возможна как феноменология. Ни «национальная идея», ни «русская ментальность» не *насыщают* данность России. География России не соответствует тому единственному, что «у нас никому не отнять» — данности Родины. Насыщение данностью дает феноменология в актах эйдетической и трансцендентной редукции: свидетель Родины осознает свой предмет как то, что он *не может не осознавать*. Невозможность не осознавать — имманентное и потому абсолютно истинное знание. В невозможности не осознавать Родина дана не как интуиция, а как *вы-*

² И. Сандомирская. Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик. Wien, 2001 (Wiener Slawistischer Almanach S.-Bd. 50.) С. 15.

³ E. Husserl. Die Idee der Phänomenologie // E. Husserl. Gesammelte Werke. Haag: M. Nijhoff, 1950—2002. Bd. 2. S. 9—10. Далее это издание обозначается как *Hua* (Husserliana).

веренный факт: «к сущности имманентной данности принадлежит то, что она дает абсолютное»⁴. В имманентности и заключается истинность «знания сердечного» (И. Киреевский). Не Родина внутри сознания, а субъект внутри осознания Родины: субъект рожден свидетельством Родины.

3

«Картинка в букваре», с которой начинается Родина, — *березка*. Свидетель Родины не сомневается, что в явлении березки явлена Родина, но он знает также, что в березке Родина явлена *со всей силой*, что от березки, как от бездорожья, ему не убежать. Удар березки открывает свидетелю его доступность удару: субъекту открывается область его принадлежности. Родина дана нам неоспоримо, потому что *мы* не можем избежать этой данности: мы заданы нашей пре-данностью данному, данное дано как задающее нас.

Березка — неяркий феномен, она ничего не показывает. Березка также ничего не делает — только *присутствует*: скромность присутствия феноменологизирует силу данного. Родина явлена не в явлении, а в навязчивости явного: китч Родины — тоже Родина, и Родина в наивысшей степени.

Согласимся с термином Мариона: березка — *насыщенный феномен*. То есть «парадокс»: его видимая бедность перекрывается избытком насыщающей интуиции (ED: 314—315)⁵. Насыщенный феномен «не дает видеть ничего... потому что он дает нечто большее (и лучшее)» (ED: 339). *Белая береза* бедна, потому что она дает видеть саму феноменальность — дар «явления» как такового (ср. примеры, иллюстрирующие «феномен» у Гуссерля, — *пожар, белый лист бумаги, дерево в цвету*). В качестве парадоксального феномена, который дает именно Невидимое (чистый свет, а не «объектность»), березка предполагает не только бедность, но и *видимую грязь*:

⁴ Э. Гуссерль. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1. М.: Дом интеллект. книги, 1999. С. 97.

⁵ RD — Réduction et donation. Paris: PUF, 1989; ED — Étant donné. Paris, 1998; DS — De surcroît. Paris, 2001; PE — Le phénomène érotique. Paris, 2003.

Местами первый снег был... густо перемешан с землей и покрыт пороховой гарью... А среди этого страшного поля... стояла и тихо светилась в сумерках одинокая белая береза⁶.

Рассуждая «по-гуссерлиански», можно сказать, что знание Родины — это категориальная интенция, которая заполняется/насыщается перцептивной интуицией — видом (*Anschauung*) березки⁷. Интенция требует заполнения, но заполнение не насыщает: опыт не насыщает нас данностью или же не дает насыщенной данности («*Dingwahrnehmung liefert keine volle gesättigte Gegebenheit*»)⁸. С точки зрения Мариона, березка как откровение Родины — это уже насыщенный феномен. Интуиция не нуждается в заполнении, потому что не может быть исчерпана, и она не заполняет, поскольку превышает любую возможность вместить: насыщенный феномен обладает таким богатством, которое он в качестве феномена не может «дать видеть». (Марион не учитывает другую возможность: интуиция насыщена, потому что она насыщается *собой* и поэтому всегда удовлетворена — «это наша Родина, и другой нам не надо».) Насыщение насыщает самим «насыщением»: насыщенный феномен богат Дарением (*donation*). Можно было бы сказать — сыт Питанием.

Марион не защищает интуицию, наоборот, он ее пре-дает: интуиция — откровенный дар, она дает видеть само дарение, а следовательно, его дает. Но если интуиция дает, то благодаря самому дарению и за счет самого дарения. Отсюда формула: *autant de réduction, autant de donation*, чем больше редукции, тем больше дарения (ED: 23). Поскольку всё, что дано, в конечном счете восходит к дарению, то чем больше редукции, тем лучше для дарения. Редукция — это цензура, которая отсекает всё, что не является дарением и санкционирует то, что несет на себе печать дарения: «Редукция редуцирует только к дарению и только в его пользу... Редукция измеряет долю дарения во всех явлениях, решая, имеют ли они право на явленность» (ED: 26).

Иначе у Гуссерля: «Только посредством редукции, которую мы хотим назвать феноменологической, редукция достигает аб-

⁶ М. Бубеннов. Белая береза. М.: ОГИЗ, 1949. С. 325.

⁷ См. разработку этой схемы в: R. Sokolowski. Husserlian meditations. Evanston: Northwestern Univ., 1974. P. 33—34.

⁸ Ding und Raum (*Hua*: 16, 115).

солютной данности (Gegebenheit), ничем не обязанной трансценденции»⁹. Данность открывается в редукции, данность «дается» благодаря редукции: редукция — это *и есть* дарение. Следует понимать этот тезис во всей конкретности: редукция дает постольку, поскольку редуцирует, дает не больше, чем редуцирует.

Как признает Марион, Гуссерль нигде не упоминает о дарении. Его интересует сам момент данности, не обязанный ничему, кроме *своей* данности. Данность рождается как давшая себя вспышка, но сразу и вместе со вспышкой становится ясным, что данное, если оно дано, никогда не переставало быть данным, и если уж оно дано, то его уже некуда деть — данное дано раз и навсегда.

Данное дано тогда, когда не возникает вопроса об условиях его данности. Но данность без условий — это самое жесткое — невыполнимое условие: данное не может быть *дано* ни при каких условиях. Вспышка данности возможна только как чудо или как дар (имеется в виду дар, «условия возможности которого совпадают с условиями его невозможности»¹⁰, — дар как возможность невозможности).

Вспышка данности *исчерпывает* субъекта, не оставляя на его долю ни восприятия, ни понимания — ничего, что участвовало бы в данности данного. Вспышка данности *дает* возможность восприятия и понимания — дает, еще не будучи «дарением». Данности принадлежит то, что Марион приписывает дарению — анаморфоз, *перековка* субъекта: «я принимаю точку зрения другого на себя, не редуцируя другого к моей точке зрения» (DS: 44). Редукция достигает предела в точке данности: я редуцирую себя к точке, потому что точка редуцирует меня. Вспышка данности — место рождения пре-данного: редукция к месту рождения, возвращение на Родину, возрождение.

Данное дано вместе с редукцией и посредством редукции, так что редукции никогда не меньше, чем данности, а данности не больше, чем редукции. О дарении не упоминается не потому, что оно забыто или подвешено в *эпохэ*, а потому что оно радикально редуцировано. Данность данного достигается способом

⁹ Die Idee der Phänomenologie (Hua: 2, 44).

¹⁰ J. Derrida. Donner le temp. 1: La fausse monnaie. Paris, 1991. P. 24.

редукции дарения: *дающее* дает без подоплеки: «сущностное глядение (видение)... обладает характером акта, который дает»¹¹.

«Принципиальное правило» феноменологии — «принимать данное как оно себя дает, но и только в тех рамках, в каких оно себя дает»¹², — требует оставаться в пределах редукции, потому что предел данности *дан* редукцией. Марион перешагивает предел — *де-дуцирует* данность к метафизической Причине: транслируя *Gegebenheit* как *donation*, Марион редуцирует Гуссерля в свою пользу.

Отвечая на упрёки в метафизике, Марион утверждает, что он рассматривает дарение в горизонте самого дарения: его интересует дарение, которое дарит, — дарение как феномен, а не как принцип (ED: 60). Вопрос в том, откуда появляется горизонт, если дарение, никогда не совпадая с данным, постоянно выходит за горизонт и если *само* дарение в себе не лимитировано? Дарение выходит за горизонт в тот момент, когда оно дает. Рассмотренное *внутри* феноменологического горизонта, дарение тождественно саморедукции. Если же дарение редуцировано к *самому* дарению, то дарение ничего не дарит. Редуцированное к самому себе, дарение умирает: ему уже нечего дарить, кроме того же самого.

«Чем больше редукции, тем больше дарения»: императив дарения растворяет редукцию в производстве изобилия — чем больше, тем лучше. Собственный смысл редукции — экономия: данное дано постольку, поскольку редуцировано, «нет конституции без редукции»¹³. Конституция Родины сводится к тому факту, что Родина конституирует нас, и поскольку этим фактом определяется любая дальнейшая мысль, Родины достаточно.

4

Дарение не дает данности, поскольку данность редуцирует дарение. Марион приходит к дарению не «от Гуссерля», а «через Хайдеггера» — редуцируя *зов Бытия* к зову как таковому.

¹¹ Э. Гуссерль. Идеи к чистой феноменологии... С. 29.

¹² Там же. С. 60.

¹³ J. Patocka. Qu'est-ce que la phenomenologie? Grenoble: Million, 1988. P. 249. О России как территории экономии см.: V. Merlin. From General Economy to Great Economy: thinking the conditions of Russia. Wien, 1999 (Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 43). P. 143—161.